

УДК 94(378(4-014)) (091)

О.В. Петровская

Гендерная составляющая механизма формирования студенческого контингента Болгарии и Польши в 1944–1989 гг.

Одной из наиболее заметных тенденций в развитии систем образования после Второй мировой войны стала феминизация студенческого контингента. Тот факт, что темпы и масштабы этого процесса в регионе Восточной Европы значительно опережали западную часть континента, определяет значимость исследования политики формирования студенческого контингента в странах, выбравших после Второй мировой войны социалистический вариант модернизации.

Цель настоящей работы заключалась в выявлении тех элементов системы отбора в высшие учебные заведения, которые способствовали изменению гендерного состава студенчества в Болгарии и Польше в 1944–1989 гг. Исследование основано на анализе правил приема в вузы, статистических данных о наборе студентов и результатах социологических зондажей. Избрание в качестве объекта изучения таких стран, как Болгария и Польша, обусловлено различием моделей утвердившейся после Второй мировой войны однотипной социально-экономической системы и традиционных культур, определявших роль и место женщины в обществе. Такой компаративный подход позволяет выявить закономерности функционирования социокультурных институтов в рамках завершеного хронологического периода, получившего в истории Центральной и Юго-Восточной Европы название социализма.

Сформулированная нами гипотеза состояла в том, что с установлением власти коммунистических партий в странах ЦЮВЕ женщины получили пре-

имущества в новой системе селекции абитуриентов в высшие учебные заведения. Причем, в Болгарии политика поддержки женщин в процессе отбора в вузы носила более выраженный и целенаправленный характер, чем в Польше. Основанием для выдвинутого предположения явились два основных факта послевоенной истории Болгарии и Польши: декларированная властными структурами политика всестороннего равенства мужчин и женщин и стремительное увеличение доли женщин в составе студенческого контингента.

Так, однотипные послевоенные конституции Болгарии (1947 г.) и Польши (1952 г.) прочно закрепили равноправие полов. Повышение образовательного уровня женщин в условиях их массовой трудовой активности, обусловленной потребностями «догоняющей модернизации» рассматривалось в качестве главной предпосылки равенства женщин и мужчин в труде и его оплате. В официальной доктрине подчеркивалось, что «решение проблемы общего образования и развертывания на его основе среднего специального и высшего образования дает женщине все возможности стать квалифицированной работницей, специалистом и руководителем в народном хозяйстве» [1].

Тенденция к увеличению в вузах женщин проявилась сразу после окончания войны и сохранялась до момента крушения социализма. Следует учитывать, что женщины двух исследуемых стран имели равные стартовые позиции для овладения пространством в высшей школе: в 1934/1935 уч. году студентки составляли 27,97% учащихся польских вузов и 29,05% – болгарских [2–3]. Одинаковые темпы феминизации сохранялись и в первом послевоенном десятилетии: удельный вес студенток достиг в 1955/1956 уч. году 32% в польских вузах и 33% – в болгарских [4–5]. Однако 50%-ный барьер в числе учащихся высших учебных заведений болгарки преодолели в 1971/1972 уч. году, а польки – только в 1981/1982. В 1987/1988 уч. году студентки в болгарских вузах насчитывали 55% всех учащихся, а в Польше удельный вес женщин во второй половине 1980-х гг. не превысил 51,5% [6]. В то же время на дневных отделениях вузов обеих стран интенсивность феминизации существенно не различалась на протяжении всего исследуемого периода. На стационаре польских вузов уже в 1973/1974 уч. году студентки достигли 50,45% [7]. Таким образом, диспропорции были обусловлены лишь замедленным, по сравнению с Болгарией, вовлечением полек в систему заочного и вечернего обучения.

Следовательно, исходя из целей и результатов образовательной мобильности женщин, с учетом характерного для послевоенной истории Восточной Европы ограниченного доступа в вузы логично предположить, что в Болгарии и Польше проводилась целенаправленная политика регулирования гендерного состава студенчества.

Характеризуя механизм приема в вузы Болгарии и Польши, необходимо иметь в виду, что формирование комплексной системы отбора абитуриентов было обусловлено задачей селекции растущего потока абитуриентов по специальностям в жестком соответствии с потребностями рынка труда и принципами социалистического эгалитаризма. Характерной чертой этой системы стали частые изменения требований и условий конкурса, обусловленные пристальным вниманием к разработке адекватной модели правил приема, как со стороны властных структур, так и общественности.

Максимальную эффективность средств, вкладываемых в систему высшего образования мог обеспечить отбор в вузы наиболее способных, усердных, амбициозных, морально и физически здоровых молодых людей. Поэтому сформировавшаяся после 1948 г. система лимитированного приема в вузы социалистических стран мало учитывала интересы и склонности кандидатов, но концентри-

рвала внимание на формальных критериях: успехи в аттестате о среднем образовании, результаты вступительных экзаменов, стаж работы, социальное происхождение, территориальная принадлежность, возраст, состояние здоровья.

Явные ограничения по признаку пола в процессе набора студенческого контингента, имевшие место в межвоенный период, после 1944 г. были упразднены, но традиции в первое послевоенное десятилетие продолжали осложнять доступ в вузы женщин. Например, профессора престижного медицинского факультета Ягеллонского университета обращались к министру с предложением о введении лимитов приема женщин. Несмотря на отрицательный ответ, в 1945 г. на этот факультет было принято только 40 из более чем 400 девушек. Кроме того, сенат Ягеллонского университета в апреле 1945 г. определил 10% мест для возвращающихся из армии офицеров и солдат [8]. Согласно распоряжению Министра просвещения от 19.05.1948 г. при прочих равных условиях участники войны 1939–1945 гг. имели право на первоочередное зачисление [9].

Хотя отдельные категории мужчин получили при поступлении в вузы некоторые преимущества, обусловленные демографическими особенностями военных потерь, в официальную образовательную политику Польши до конца 1960-х гг. не включались механизмы регулирования процессов феминизации и маскулинизации отдельных направлений обучения. Большее влияние на гендерный состав студенчества оказывали в этот период сохранявшиеся материальные и социальные барьеры, которые женщинам было труднее преодолеть, чем мужчинам. В частности, в трудных экономических условиях послевоенной жизни продолжение учебы в вузе во многом зависело от возможностей дополнительного заработка. Однако если практически все студенты-мужчины работали, то включение студенток в систему оплачиваемого труда встречалось значительно реже. Требования к жилью у женщин были выше, чем у мужчин, а проблема общежитий была одной из самых трудных в послевоенные годы. Например, в Ягеллонском университете мест в женских общежитиях во второй половине 1940-х гг. было в 2 раза меньше, чем в мужских [8, с. 133]. Не все были готовы, как студентки биологического факультета Люблинского университета, ночевать в городском автобусе.

Поколение студенток 1950-х гг. формировалось, по сравнению с их коллегами мужчинами, из более обеспеченных семей. Одно из первых социологических исследований среди польских студентов, проведенное С. Новаком в варшавских вузах в 1958 г., показало, что доходы родителей студенток в среднем были на 288 злотых выше, чем в семьях студентов [10].

В формировании образовательных стратегий женщин после окончания Второй мировой войны еще сохраняли значение семейные барьеры и общественные традиции. До конца 1940-х гг. девушки из крестьянских и рабочих семей не проявляли большого стремления к высшему образованию. Они очень слабо использовали предоставленные государством возможности подготовки к высшей школе. Так, на учрежденных подготовительных курсах, которые давали право на получение аттестата и статуса студентки без вступительных экзаменов, женщины оказались в меньшинстве. В 1945/1946 уч. году среди 1058 слушателей этих курсов было только 75 женщин (7%), а в 1946/1947 уч. году из 721 – 40 (5,5%) [11].

Вместе с тем по мере развития системы материальной помощи студентам и расширения политики социального продвижения «трудовых слоев» количество абитуриенток в вузы возрастало. В 1961 г. они составляли 20788 или 43,5% всех абитуриентов польских вузов, а в 1969 г. их удельный вес достиг

53,5%. Анализ результатов набора в высшие учебные заведения Болгарии также свидетельствует о значительном преобладании женщин среди кандидатов в вузы. Удельный вес первокурсниц в этой стране в 1970/1971 уч. году достиг 58,46%. После спада на рубеже 1970–1980-х гг. он вновь приблизился к 60%-ному рубежу [6, с. 365].

При этом результаты конкурсного отбора в вузы свидетельствовали о большей целеустремленности и лучшей теоретической подготовленности женщин. Данный тезис подтверждает ранняя феминизация наиболее престижных в обществе специальностей в 1950-х гг., когда критерии приема еще не зависели от пола абитуриента. Так, в Софийском химико-технологическом институте, где претенденты в 7–8 раз превышали количество мест, в 1955 г. насчитывалось 47% студенток, что вызывало большое недовольство руководства вуза. В медицинских вузах Польши в 1955/1956 уч. году женщины составляли 58,4% [12]. Преимущества девушек на вступительных экзаменах показывали и специальные исследования конца 1980-х гг. Так, в 1989 г. в Кракове среди абитуриентов, поступавших на специальность «Экономика и организация оборота и услуг», 75,9% абитуриенток получили средний балл выше 4,0, и только 6% – ниже 3,5. В то же время 18,0% юношей имели средний балл меньше 3,5, а 38,0% – выше 4,0 [13].

Преимущества женщин на вступительных экзаменах в значительной степени были обусловлены отличной от мужчин стратегией образовательного развития на этапе среднего образования. В 1970-е гг. в обеих странах отчетливо проявилось стремление девушек к получению аттестата в общеобразовательных средних школах, а юношей – в профессиональных. Причем в Польше, где девочки начали укреплять свое представительство в общеобразовательных лицеях, начиная с 1960-х годов, данная тенденция была выражена гораздо сильнее. В 1975/1976 уч. году выпускницы этого типа учебных заведений составляли 75,0%, а профессиональных средних школ – только 44,4%. Удельный вес лицеев выше 70% сохранялся и в 1980-е гг. При этом роль лицея, как дороги к высшему образованию, в Польше с начала 1970-х гг. возрастала. Выпускники общеобразовательных лицеев составляли в среднем 75% первокурсников, тогда как выпускники профессиональных средних школ – 25%. Следовательно, стремление девушек к получению высшего образования проявлялось раньше и было выражено гораздо сильнее, чем у юношей. Аналогичным было положение в Болгарии. По данным болгарских социологов на высшее образование в 1980 г. были ориентированы 73% учениц средних учебных заведений и лишь 43% учеников.

Большую ценность высшего образования для женщин, чем для мужчин, обусловили особенности социалистического варианта модернизации [14–15]. Однако сохранение за женщинами в обществе в качестве основного предназначения роли жены и матери осложняло их использование в качестве специалистов. В частности, выпускницы сельскохозяйственных вузов Польши уезжали работать по специальности в районы только в сопровождении мужей, имеющих подобную квалификацию. Остальные оставались в городе и устраивались работать в органы администрации [16]. В Болгарии в 1985 г. 30,79% женщин, работавших в непромышленной сфере, имели дипломы о получении промышленных, сельскохозяйственных, строительных, транспортных специальностей.

В результате в обеих странах в политике формирования студенческого контингента появляется новый элемент, который можно обозначить как открытую дискриминацию женщин. Причем в Болгарии ограничения по признаку пола в механизме отбора в вузы носили более выраженный и устойчивый ха-

ракти. Уже в 1946 г. академический совет Софийского университета определил соотношение мест на первом курсе для женщин и мужчин. Централизованное планирование количества женских и мужских мест по отдельным специальностям началось в Болгарии в конце 1950-х гг. и продолжалось до конца 1980-х гг. Ограничения для женщин в этой стране затронули все без исключения направления обучения. Правилами приема на большинстве специальностей устанавливалось 50% мест для женщин и 50% – для мужчин. Формально соотношение предполагало равенство полов, но реально оно утверждало неравенство, поскольку претенденток на высшее образование с высокой конкурентоспособностью было больше, чем претендентов.

Квотирование женских мест в болгарских вузах властные структуры объясняли императивом обязательного прохождения мужчинами военной службы до поступления в вуз. Однако в 1960-х гг. это требование в некоторых вузах, в том числе и престижных медицинских, перестало носить обязательный характер, а в 1970-х гг. юношам было разрешено сначала поступать в вузы, а затем проходить службу в армии (начать учебу они могли только после выполнения воинского долга). Но и после этого распределение студенческих мест по признаку пола сохранилось, как и привилегии отслужившим в армии. На них, например, не распространялись требования о минимальном балле аттестата. Зачисление абитуриентов на дневные отделения болгарских вузов в 1980-х гг. проводилось в трех номинациях: «мужчины, отслужившие в армии», «мужчины-призывники» и «женщины». Очевидно, что женщины при проведении конкурсного набора абитуриентов находились на последнем месте.

В конце 1950-х гг. в Болгарии из-за «особого характера труда» была определена группа «не женских специальностей». К ним относились направления обучения связанные с геологией, горными разработками, металлургией, подъемными машинами, лесным хозяйством, ветеринарией, космосом и т.д. Но квоты максимального женского присутствия на этих направлениях обучения изменялись. Так, в конце 1950-х гг. за женщинами в этой группе специальностей резервировалось 10% мест, в первой половине 1960-х гг. – 20%, в 1970-х – первой половине 1980-х гг. – 30%. Во второй половине 1980-х гг. правило равного представительства женщин и мужчин утвердилось на большинстве специальностей [17]. Парадокс заключался в том, что возможности поступления женщин на специальности, признанные вредными для женского здоровья, с течением времени расширялись, но в то же время сокращались их шансы стать студентками престижных специальностей и вузов. На протяжении всего исследуемого периода женщины не могли составлять больше 30% в составе первокурсников на актерских факультетах театральных вузов. Не более 20% девушек допускалось в студенческие коллективы на специальности, связанные с внешней торговлей. С 50% до 40% в 1970-е гг. сократился лимит «женских» мест в технических вузах и на лечебных факультетах медицинских вузов. На университетских специальностях (кроме педагогических) женщины могли занимать до 70% мест во второй половине 1960-х гг. и только 40% во второй половине 1970-х гг. А на специальностях «Журналистика» и «Международные отношения» с конца 1970-х гг. женщины не могли составлять более 30% учащихся.

Следовательно, для болгарской системы высшего образования было характерно целенаправленное вытеснение женщин в непрестижные профессиональные сферы, утратившие интерес для мужчин. Кроме того, как свидетельствуют правила приема, для системы формирования студенческого контингента Болгарии было свойственно закрепление за женщинами определенных профессиональных областей. В качестве женской сферы в Болгарии бы-

ли определены педагогические, сельскохозяйственные и экономические. На эти специальности в 1960-х гг. допускалось до 70% женщин, а в последующие годы лимиты не опускались ниже 50%. Неизменно широкой (60%) на протяжении 1950–1980-х гг. оставалась «женская ниша» на специальностях «Стоматология» и «Фармакология», но до середины 1970-х гг. женщины не получали более 40% мест на технических специальностях и лечебных факультетах медицинских вузов [17, с. 4].

Открытая дискриминация женщин в Болгарии прочно утвердилась в системе селекции в вузы. Несмотря на то, что еще в конце 1960-х гг. выдвигались требования о необходимости устранения преимуществ при поступлении, которыми пользовались юноши по сравнению с девушками, практика разделения студенческих мест по признаку пола сохранялась и до и после крушения социализма. Вместе с тем, несмотря на жесткое регулирование «женских» и «мужских» мест в 1960–1980-е гг., доля студенток увеличивалась на всех направлениях и формах обучения болгарских вузов.

В Польше ограничение прав женщин в процессе приема было юридически санкционировано в 1968 г. В постановлении министра здравоохранения было рекомендовано принимать в вузы не более 50% девушек. В сельскохозяйственных вузах на сельскохозяйственном, ветеринарном и мелиоративном факультетах квота приема женщин была ограничена 25%-ми. Абитуриенты мужского пола, которые непосредственно перед поступлением в вуз окончили военную службу, получали 3 дополнительных балла [18].

В результате шансы на получение высшего образования для женщин сократились. Общеобразовательный лицей для полек не стал такой же прямой дорогой в высшую школу, как для их сверстников мужского пола (выпускники лицеев гораздо чаще становились студентами, чем выпускницы). В 1969 г. принятыми в вуз оказались каждая 11 выпускница и каждый 7 выпускник средней школы. Вместе с тем пытались поступить в вуз в этом же году каждая 4 выпускница и каждый 3 выпускник. В 1970 г. из общего числа абитуриентов не было принято 62,5%, а абитуриентов – 56,4% [16, с. 92–94].

В ходе конкурсного отбора отсеивались те, кто сдал вступительные экзамены лучше, чем их коллеги мужского пола. В 1969 г. в группе женщин не было принято 33,9% тех, которые сдали вступительный экзамен или 19,2% всех абитуриенток, а в группе мужчин – 22,8% сдавших экзамены (12,9% всех абитуриентов мужского пола) [16, с. 93]. Во всех вузах, за исключением высших инженерных школ, в процессе отборочного конкурса «отпадало» больше женщин, чем мужчин. Однако если в университетах, политехнических, театральных и художественных вузах, академиях физического воспитания различия не были большими, то в остальных типах учебных заведений (медицинские, сельскохозяйственные, экономические) в процессе отбора отсеивалось значительно больше женщин, чем мужчин. На сельскохозяйственные специальности, где женщинам отводилось 25% мест, в 1969 г. не смогли пройти по конкурсу 67,8% из тех, кто выдержали экзамены. Женщины составляли 81,3% абитуриентов на лечебные факультеты медицинских академий. Но установленный 50%-ный барьер привел к тому, что в результате конкурсного отбора остались не принятыми 69,8% абитуриенток, которые сдали экзамены на положительные оценки [16, с. 94].

В 1980-е гг. в Польше, в отличие от Болгарии, постановления об ограничении приема женщин были отменены. Однако субъективное предпочтение, которое проявляли к юношам приемные комиссии вузов в условиях угрозы массовой феминизации высшего образования, несомненно, сохранялось,

о чем свидетельствует сокращение удельного веса женщин в числе принятых на наиболее престижные дневные отделения вузов в 1980-х гг.

Следует учитывать также, что путь полек к высшему образованию усложняла ориентация женщин на определенные группы вузов и специальности. Так, наибольший конкурс наблюдался в группах высших учебных заведений, относившихся к наиболее востребованным женщинами: университетах, театральных, художественных, медицинских вузах. В то же время гораздо меньшим был наплыв абитуриентов, и, следовательно, более значительными шансы стать студентами в «мужских» вузах: морских школах, политехнических институтах. Так, в 1971/1972 уч. году в высшие морские школы поступило 80,7% абитуриентов, а в высшие педагогические школы только 52,3%. Во Вроцлавском университете, например, на «женской» специальности «Общая педагогика и психология» в 1960–1980-х гг. конкурс достигал 8 человек на место, а на таких невостребованных поляками направлениях обучения, как физика, математика, астрономия, политические науки, был хронический недобор кандидатов.

Дискриминация в доступе к высшему образованию формировала у женщин более выраженное чувство несправедливости. 75% опрошенных в 1987 г. в Польше женщин и только 53% мужчин полагали, что попадание в студенческую среду является результатом проявления способностей.

Итак, гипотеза о льготах, которые предоставлялись женщинам в конкурсном отборе в вузы, оказалась неверной. Напротив, гендерный критерий, ставший неотъемлемым компонентом механизма приема в вузы, дополнил индивидуальную дискриминацию по социальному признаку ущемлением прав женщин на получение высшего образования.

Следовательно, 50%-ный барьер, на котором в 1970–1980-х гг. задержалась феминизация студенческого контингента в вузах Болгарии и Польши, не соответствовал образовательному потенциалу и ценностным установкам женщин. Широкая устремленность женщин в вузы искусственно сдерживалась приемами централизованной государственной политики формирования студенческого контингента. Переход к открытой гендерной селекции при зачислении в вузы, при декларировании равенства женщин и мужчин, был обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, стремлением предотвратить феминизацию отдельных направлений обучения и сфер занятости, что проявлялось в дифференцированных подходах регулирования полового состава студенчества на отдельных направлениях обучения. Во-вторых, неэффективным, с точки зрения затрат, использованием женщин в качестве специалистов.

Обращает на себя внимание парадоксальный факт: в Болгарии, где дискриминация женщин в процессе приема в вузы носила более продолжительный и устойчивый характер, позиции женщин в системе высшего образования оказались более прочными, чем в Польше. Следствием интенсивной гендерной селекции на дневных отделениях болгарских вузов явилась феминизация отделений для работающих студентов: в 1970/1971 уч. году первокурсницы заочных отделений составляли 51,1%, а в 1978/1979 уч. году – 76,1% [19]. Еще более феминизированными оказались вечерние отделения. Следовательно, болгарки, несмотря на усилия власти, смогли сохранить доминирующие позиции в составе подготавливаемых в высшей школе специалистов.

В Польше, где формирование студенческого контингента с точки зрения его гендерных источников носило более естественный характер, а ограничения были временными и распространялись лишь на отдельные специальности, доля женщин в составе студенчества и феминизация отделений для работающих оказались ниже, чем в Болгарии. Таким образом, различия в тра-

дициях, определявших место и роль женщины в болгарском и польском обществе, оказывали значительное влияние на процессы формирования студенческого контингента.

В то же время пристальное внимание властных структур к регулированию приема женщин на отдельные специальности в Болгарии способствовало выравниванию соотношения женщин и мужчин в профессиональной структуре специалистов в этой стране. В Польше с менее выраженной гендерной составляющей механизма приема и сохранением авторитета католической церкви «ролевая инкапсуляция» женщин в системе высшего проявлялась более отчетливо.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Женщины мира в борьбе за социальный прогресс* / Ред. Н.А. Ковальский. – М., 1972. – 55 С.
2. *Wittlinowa H. Atlas szkolnictwa wyzszego.* – Warszawa, 1937. – S. 60.
3. *Статистически годишник на Царство България.* – София, 1942. – С. 749.
4. *Rocznik statystyczny szkolnictwa 1944/45 – 1966/67.* – Warszawa, 1967. – S. 403.
5. *Статистически годишник на Народна Република България.* – София, 1961. – С. 345.
6. *Статистически годишник на Република България.* – София, 1990. – С. 351.
7. *Rocznik statystyczny szkolnictwa 1974/75.* – Warszawa, 1975. – S. 146–147.
8. *Perkowska U. Studenci Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1945–1948/49.* – Kraków, 2001. – S. 30, 114.
9. *Rozporządzenie Ministra Oświaty z dnia 19 maja 1948 r. № IV R-3762/48 / Spis wykładów Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie. Rok akademicki 1948/49.* – Kraków, 1948. – S. 9.
10. *Studenci Warszawy. Studium długofalowych postaw i wartości / Pod. red. S. Nowaka.* – Warszawa, 1991. – S. 58.
11. *Rocznik statystyczny. 1947.* – Warszawa, 1947. – S. 170.
12. *Rocznik statystyczny. 1958.* – Warszawa, 1958. – S. 404–407.
13. *Rawski M. Uwarunkowania podjęcia studiów ekonomicznych w świetle wyników badań // Życie Szkoły Wyższej, 1990, № 2.* – S. 57.
14. *Пятроўская А.В. Вышэйшая адукацыя ў Балгарыі і Польшчы ў 1948–1989 гг.: гендэрны аспект // Беларускі гістарычны часопіс, 2005, № 3.* – С. 22–26.
15. *Петровская О.В. Женщина и высшее образование в парадигме «догоняющей» модернизации: опыт Болгарии и Польши (1948–1949 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета, 2004, № 3–4 (14–15).* – С. 74–80.
16. *Wieruszewski R. Równość kobiet i mężczyzn w Polsce Ludowej.* – Poznań, 1975. – S. 96.
17. *Справочник на кандидат-студентите за висшите учебни заведения за учебната 1958/1959 година.* – София, 1958. – 128 с.
18. *Янушкевич Ф., Жор А. Комплектование вузов Польши студенческим составом: проблемы и некоторые решения // Современная высшая школа, 1974, № 3 (7).* – С. 119.
19. *Статистически годишник на Народна Република България.* – София, 1980. – С. 435.

S U M M A R Y

The elements of gender selection to higher educational institutions of Bulgaria and Poland in 1944–1989 are discovered and analysed in this article. The author comes to a conclusion, that the position of the women in Higher Schools didn't correspond with their educational potential and aspirations. However, in Bulgaria where the discrimination of women was stronger the positions of women in the system of higher education appeared to be more stable.

Поступила в редакцию 17.10.2005